

АМИГО

Рассказ

Шеф потребовал меня к себе, когда я собирался к сенатору Мак-Кейну, с которым познакомился на юбилейной вечеринке. Собственно, знакомство длилось ровно столько, сколько понадобилось для вялого рукопожатия, чести, коей удостоились все приглашенные. Признаться, меня к их числу можно было отнести с большой натяжкой, учитывая способ, которым я это приглашение раздобыл.

Здороваясь, сенатор каждому вручал визитную карточку. И только я при этом умудрился спросить его о чем-то большем, чем «How do you do».

— Ха-ха-ха! — Принял мои слова за шутку, а то и вовсе их не расслышал хозяин и снисходительно хлопнул меня по плечу, одновременно подталкивая с прохода, чтобы поприветствовать следующего гостя. Мак-Кейн уже отсидел один срок в сенате, и, видимо это ему так понравилось, что, несмотря на солидный даже для политиков возраст, он решил побороться еще за шесть лет почета и безбедного существования в приятной компании.

Гостей собралось не менее полусотни. Среди них мелькнула пара-тройка известных лиц. И у каждого на лацкане или на платье поблескивал значок Ротари-клуба, чье местное отделение праздновало в тот день свой юбилей.

Из коктейлей, что разносили официанты, я выбрал безалкогольный, чтобы не повторить конфуза, произошедшего со мной на одном из приемов.

Расположившийся на краю газона со своей огромной, в человеческий рост, жаровней, повар периодически приоткрывал ее крышку, чтобы потыкать большим ножом тушу тельца на вертеле, распространяя все более соблазнительный запах, от которого я сглатывал слюнку. Напрасно гости делали вид, что, увлеченные друг другом, они не замечают ни самой жаровни, ни волшебных запахов, исходящих из нее: глотательный рефлекс выдавал не только меня.

Когда ожидание отведать свежатины стало невыносимым, вдруг послышался барабанный стук. Чеканя шаг, на лужайку вышел отряд бойскаутов в голубых галстуках, в рубашках хаки с засученными рукавами, в шортах до колен и в гольфах. Эти юные дебилы, которым было не меньше четырнадцати, промаршировали с речовками два круга и замерли по стойке смирно возле мобильной трибуны, за которой устроился сам сенатор, по совместительству председатель местного отделения Ротари-клуба. Он хлопнул с отяжкой три раза в ладони, и, сияя ослепительно-белой керамикой умильных улыбок, гости разразились аплодисментами.

Сенатор уступил место главному бойскауту, на прыщавом лице которого уже пробивались усики и борода. Закатив глаза, он бодро отчеканил заученную речь, интонациями и даже содержанием ничуть не уступавшую рапортам наших почивших втуне

Владимир Александрович Ярош родился в городе Каменске-Уральском Свердловской области. Окончил физико-технический факультет Уральского политехнического института. Публиковался в литературных журналах «Нева», «День и ночь», альманахе «Енисей» и других периодических изданиях. Живет в Красноярске.

пионеров. Затем пионеры, простите, бойскауты отошли в сторонку и первыми заняли очередь к жаровне с одноразовыми тарелками в руках. А на трибуну снова по-хозяйски взобрался Мак-Кейн и загнул спич минут на двадцать, во время которого гости со скрытой завистью поглядывали на молодежь, поедавшую жареное мясо со спаржей.

Прошло не менее получаса, прежде чем и я получил свой вожденный кусок, после которого долго полоскал в прозрачной пиале с лепестками розы руки от жира и острого соуса. В принципе, программу-минимум на этот вечер можно было считать выполненной, но телятина с пивом вдохновляли на подвиг. Почувствовав себя в полной боевой готовности, с бокалом в руке я принялся фланировать с пространной улыбкой по лужайке, пока хозяин не покинул гостей и не направился в сторону дома. Пренебрегая первой заповедью шефа: «Когда перед вами стоит выбор: не делать ничего или совершить какую-нибудь глупость, выберите первый вариант», я коршуном спикировал на сенатора.

И тут только разглядел, что он вполне соответствует своему возрасту. Косметика не смогла скрыть морщин. Да и воспаленные глаза с красными прожилками говорили о многом. Неудивительно, что имени моего он не разобрал на слух. Зато вспомнил, что видел меня в хронике с того злосчастливого приема.

— Да, да, как же, я помню вашу роль, на память пока не жалею. Вы тогда отлично сыграли, — похлопал он меня по плечу. — Тонкая пародия на Джеймса Бонда, если не ошибаюсь?

Я уже смирился с тем, что буду пожизненно влачить этот свой крест, и не стал уточнять, что то были документальные кадры, а не художественный фильм. Вместо того, пока мы были одни, я начал было заготовленную речь, служившую прологом к светской беседе, до которой, впрочем, дело не дошло: старик надолго закашлялся. Потом достал платок, высморкался и поднял на меня глаза. Я начал снова. Но не успел произнести и трех слов, как у моего собеседника начался новый приступ кашля. Когда это повторилось в третий раз, я понял, что он просто издевается надо мной. Но решил не сдаваться: когда еще представится такая возможность? Мне даже стало интересно: сколько времени он сможет насилловать свои бронхи? Но тут, словно сговорившись, к нам подошла девочка из отряда бойскаутов. (Мальчиком ее не назовешь, но и герлскаутша звучит как-то неблагозвучно.) На шее у нее висел ящичек с прорезью, как у псевдомонашек в московском метро, только в ином оформлении. И просила она не Христа ради, а на помощь детям эмигрантов. Проглатывая не только звуки, но и целые слова, она выстрочила свою речь про «акцию» месяца, сообщила, сколько денег уже собрано, пойдут жертвам политических репрессий в плохих странах, еще куда-то, и сделала книксен. Еще раньше, когда она бродила среди гостей, я заметил, что в ящик ее опускают кто пять, кто десять, редко двадцать долларов, и старался, чтобы наши с ней пути не пересекались. Но попался.

— Умница, — погладил ее по головке сенатор. — Можно быть спокойным за наше будущее! — добавил он и полез в карман. Куда деваться, и я достал портмоне и, чтобы показать, что мельче у меня нет, вынул несколько сто долларовых банкнот.

— О! Как это благородно с вашей стороны! — заметив мою нерешительность, сказал Мак-Кейн. — Сразу видно настоящего джентльмена.

После таких слов крепя сердце мне пришлось расстаться с сотней баксов. При чем личных, поскольку наивно было рассчитывать, что девочка выдаст мне чек или расписку, которые я смог бы потом предъявить в нашем финотделе.

— А вот я, кажется, оставил деньги дома, — похлопав себя по пустым карманам, с надеждой посмотрел на меня сенатор.

Судьба дала мне редкостный шанс! Но я его упустил... И все по той же причине: из-за невозможности списания расходов. Подвела проклятая плебейская привычка экономить каждый доллар, которую всю оставшуюся жизнь я выдавливал из себя по капле!

Если бы в тот миг я не пожалел для сенатора еще сотню, то мог, хотя бы для уверенности в себе, рассчитывать на некоторую взаимность. Но прокрутив в уме, сколько это будет в рублях, я выбрал «экономвариант».

— Это за двоих, — выдал я с фальшивой улыбкой.

Хозяин, ни слова не говоря, отвернулся и продолжил свой путь.

— Мистер Мак-Кейн! — Догнал я его.

— Извините, — ответил он, ускоряя шаг. — Мне срочно нужно в туалет. Иначе случится непоправимое. Созвонимся.

* * *

Наверное, я напрасно воспринял оброненное им «созвонимся» за обещание, поскольку, набирая раз за разом номер с визитки, неизменно попадал на секретаршу, которая после долгих расспросов, кто я и зачем, любезно просила перезвонить через неделю, а то и через две. При моей настойчивости неизвестно, сколько бы мы еще с ней препирались, если бы я не откопал в нашем ведомственном архиве, в мешке с надписью «На уничтожение», вырезку забавной статейки из гламурного журнала, в которой упоминался однофамилец конкурента моего сенатора по предвыборной кампании. Выяснить, что ее персонаж и конкурент Мак-Кейна не просто однофамильцы, но и ближайшие родственники, не представило труда. Как, впрочем, и собрать из открытых источников разрозненные, но не менее пикантные материалы на юного мажора. И если по отдельности эти упоминания не дотягивали до криминала, то искусно составленный из них коллаж представлял собой портрет извращенца, хулигана, наркомана, а главное, расиста в одном лице.

* * *

Утром, направляясь по дорожке к парку, я привычно отдал честь «друзьями», регулярно сопровождавшими меня во время утренней пробежки. «Друзья» мне достались разноцветными, в отличие от их абсолютно одинаковых, явно казенных спортивных костюмов с тремя большими буквами на спине. Если вы думаете, что этими буквами были FBR, то явно недооцениваете их уровень конспирации. Какие будут еще варианты? Из трех букв. Почти угадали: USA. Но в отличие от нашей наружки, эти ребята ничуть не стеснялись обнаружить свое присутствие и даже отвечали ухмылкой на мои насмешливые приветствия и приглашения к пробежке, типа «Come on, guys!».

На этот раз я несколько припозднился, как и было задумано, а утро выдалось на редкость свежим, и чтобы согреться, один из них усердно боксировал со своей тенью, а другой, передвигаясь на полусогнутых, с шипением проделывал замысловатые па из ушу или кун-фу, в чем я совсем не разбираюсь. В общем, спортивные были ребята. Прежде не раз я пытался оторваться от них, ускоряясь в полную силу, но каждый раз, оборачиваясь, видел, что спурт мой удался лишь наполовину: если азиат маячил где-то вдалеке, то нег... простите, афроамериканец чуть не наступал мне на пятки. Широко улыбаясь белыми, как начищенный унитаз, зубами, он показывал мне большой палец.

На сей раз я явно озадачил их своей экипировкой: джинсами и рубашкой Polo вместо обычных спортивных трусов и футболки. Кроме того, за плечами у меня висел небольшой рюкзачок. На мое жизнерадостное «Гуд морнинг!» они ответили небрежным «Хай», с удивлением пропуская меня вперед.

«Ну ничего, — подумал я, — заставлю вас себя уважать».

В парке я сел на скамейку, вольно раскинув руки на спинку, чтобы не оставить места, если вдруг кому-то захочется расположиться рядом, и стал наблюдать за белка-

ми, которые носились по газону и суетливо цокали коготками по стволам дубов и кленов. Спутников моих белки не интересовали. Они долго рассматривали в бинокль меня и сканировали окрестности. А когда успокоились, я быстро достал из рюкзака роликовые коньки, нацепил их и помчался по асфальтовой дорожке. «О, shit!» — услышал я вслед и, не оборачиваясь, показал за спиной средний палец. Считанных минут мне хватило на то, чтобы оторваться от преследователей. И немудрено, я так тщательно изучил этот город, что знал здесь каждый проулок, щель или бутик, куда можно спрятаться от преследователей.

Ровно в девять я переобулся возле дома сенатора. Охраны у символических ворот не было, и я решительно прошел в садик, где, по сводкам наших ребят, в это время консерватор Мак-Кейн должен был ухаживать за розами, вместо того чтобы в отличие от большинства горожан тупо нарезать круги по дорожкам парка.

— Что вы хотели?! — Без нотки гостеприимства спросил он.

Напоминать ему о нашем знакомстве, невольно намекая на склероз или деменцию, было бы неуместно в данной ситуации. Может, он вовсе не так плох и после нашего короткого знакомства навел обо мне справки и просто решил не иметь со мной никаких дел.

— Я хотел вам передать некоторые материалы, — прежде чем он успел ударить меня по голове мотыжкой, поспешил сказать я, — думаю, они окажутся полезными для вас, — протянул я ему пластиковую папку.

Но он отдернул руки, спрятав их за спиной:

— Это провокация?

— Увидите, когда прочтете, — положил я папку на тачку с черноземом. — Если заинтересуетесь, звоните, у меня еще есть. Телефон там указан.

Забора у него не было, поэтому не в моих интересах было маячить на виду у всех. Дождаться приглашения на чай было наивно, и я скоренько откланялся. Уже набирая ход на своих роликах, почувствовал зашкал адреналина.

Вся операция заняла минимум времени. Но включив воображение, я настучал на клавиатуре со стертым шрифтом справку об установлении контакта аж на четырех листах. Времени на ее составление ушло куда больше. Но надо же было как-то и себя показать.

Сенатор раздумывал недолго. Маловероятно, что он успел с «кем-нибудь» посоветоваться и дожидаться санкции. Их бюрократическая машина тормозит не хуже нашей. Секретарша позвонила через день с нового номера на мой запасной телефон и непривычно вежливо сообщила адрес, куда меня приглашают на randevu. Оказалось, что это пляжный ресторанчик примерно в пятидесяти милях от города. «Мудрое решение. На таком расстоянии умеючи можно от любой наружки оторваться», — подумал я и отправился в бухгалтерию получать деньги на оперативные расходы.

* * *

После того как я посвятил читателя в некоторые детали предшествующих событий, настало время вернуться к началу нашего повествования.

Напряженно прогнозируя возможные варианты предстоящей беседы, которую мы еще утром обсуждали с шефом, я не сразу понял, зачем опять ему понадобился. Причем срочно! Его интеллигентская забывчивость давно перестала меня умилять. Но на этот раз он выглядел непривычно возбужденным.

— На машине? — спросил он и протянул мне клочок бумаги. — Запомни адрес и срочно туда...

— Сказать сенатору, что я занят и позвоню как-нибудь после?

— Красильников, — впервые шеф обратился ко мне не по имени-отчеству и даже не просто по имени, а по фамилии, что у нас совсем не принято, — у тебя убойное чувство юмора. И пользуешься ты им как нельзя кстати.

— Нет, ну правда: почему бы не отправить кого-нибудь другого, Черткова, к примеру?

Эту фамилию назвал я не случайно. Сколько ни заходил я в кабинет к ее обладателю, всегда заставал там полусонного молодого человека за девственно-чистым столом. На вопрос «Что делаешь?» он неизменно отвечал: «Ожидая нового назначения».

— Я не обязан объяснять тебе своих решений, — из последних сил сдерживался шеф.

Да и что тут было объяснять, если всем давно известно, что дядя Черткова — владелец крупной газонефтяной компании и лицо, приближенное к императору.

— Если через два часа я не прибуду на randevу, про эту разработку можно забыть... Вы понимаете?

— Понимаю. Когда вынимаю. — И тут я услышал в свой адрес такое, что от неожиданности зажмурился. Да уж, вот шеф и выдал свое пролетарское происхождение.

Распирившие обида и благородное негодование сменились тихим шоком, едва я сообразил, чего от меня хотят. Почувствовав слабость в ногах, присел без приглашения. В наступившей паузе стало слышно, как тикают настенные часы, стрелки которых приблизились к назначенному времени. Запиликал сотовый.

— М-р Красил-никофф? — услышал я уже ставший родным голос.

— Да, но я не могу сейчас говорить, — честно признался я.

— Извините, я только хотела напомнить вам о встрече.

— перезвоните позже.

— Что?! — поперхнулась секретарша. — И когда же?

— Пока не знаю. Я позвоню. Извините, — отключился я.

Шеф мой сразу успокоился и удивленно повел головой:

— Это что, Мак-Кейн?

— Не до него тут, — отмахнулся я, — есть дела поважнее.

Еще бы. Оказывается, на днях прямо в Москве исчез руководитель управления, поставляющего нелегалов для нашей резидентуры. Обычно вслед за подобными исчезновениями лавиной идут аресты. И хотя основу обновленной сети составляли так называемые «консервы», чей провал грозил ущербом главным образом морального характера, чудом уцелела пара ветеранов, об интервью с которыми ФБР могло только мечтать.

* * *

Первая и единственная встреча с Лукасом, оставившая в памяти довольно неприятный осадок, случилась год назад, сразу после моего прибытия в страну и вступления в должность.

Новому шефу было не до меня. Заваленный делами, он не поднялся навстречу, а только протянул холеную руку из-за компьютера. Прежде чем обратиться, долго шуршал бумагами, на одной из которых, подозреваю, было записано мое имя.

— ...Да ладно, ученого учить — только портить. А для ознакомления с обстановкой почитайте литературные дела. Что неясно, ребята подскажут. Вопросы? — Слегка приподнял он зад, опершись руками на мощную столешницу.

Я пожал плечами.

— Не стесняйтесь. Первое время не стыдно спрашивать. Стыдно будет году на втором. Если продержитесь. Скрывать не стану, у нас текучесть еще та.

Но едва я открыл рот, чтобы спросить, он отвлекся на телефонный разговор о приеме делегации глав наших регионов, прибывающих на какое-то важное мероприятие.

Положив трубку, удивился, что я еще здесь. А когда я направился к выходу, вдруг остановил меня:

— А знаешь, завтра в Карнеги-холл Международный экономический форум начинается, — зевнул он. — Хочешь, сходи потолкайся. Полезно для адаптации.

Я расценил это как знак высокого доверия.

— Могу я получить список участников?

— Зачем тебе?

— Чтобы знать, с кем имею дело.

Шеф посмотрел на меня, как на неандертальца. Мне показалось, он уже пожалел, что поручил мне такое задание.

— Какое еще «дело»? Посмотри топ Форбса, все там.

И, порывшись в столе, выудил за шнурок из груды визиток и дареных сувениров пластиковый бейдж:

— Вот, советник второго секретаря. Кузьмина заклеишь, себя впишешь. Ты полегче там, ну и постарайся выглядеть достойно, — как-то подозрительно осмотрел он меня с ног до головы. — Ты, вообще-то, откуда родом?

— Из Сибири, — с гордостью ответил я и спросил, готовый ринуться в бой, как на немцев под Москвой: — А конкретное задание будет?

— Будет. Не рыпайся там никуда. А то греха потом не оберешься.

Мне показалось, что шеф уже пожалел о своем решении, и пока он не передумал и не спрятал бейджик обратно в ящик, я сам потянулся через весь стол, чтобы забрать его. Невольно заглянув при этом на монитор, пестревший разными мастями из паcьянса, я с восхищением отметил его уровень владения компьютером, по сравнению хотя бы с моим шефом в Ясенево, который дальше тетриса не продвинулся.

Фамилия Кузьмин на бейдже уже была выведена шариковой ручкой поверх канцелярской замазки. Поскольку два моих предшественника по должности были выдворены из страны как персоны нежелательные, с одинаковым успехом можно было вместо моей фамилии вставить надпись «Русский шпион».

* * *

Не имея времени обновить гардероб, я прибыл на фуршет в честь открытия форума в хорошо сохранившемся за несколько лет костюме, который дома надевал лишь по особым случаям. Во всяком случае, фейсконтроль я преодолел. Но достичь хотя бы обманчивого соответствия мне удалось лишь после нескольких крепких коктейлей.

Хотя, признаюсь, витавшие в воздухе темы вскружили голову сильнее напитков и не давали пассивно созерцать, как рядом решаются судьбы народов и множатся состояния Богом избранных представителей.

Но стоило мне хоть с кем-то завязать разговор, как моего визави тут же отводили в сторону незаметные ребята с бегающими глазками, что-то шептали ему, тыча пальцем в мою сторону, после чего тот попросту терялся в толпе. Две или три неудачные попытки поставили меня перед выбором: расслабиться, наслаждаясь сигарами и напитками, или же, на радость врагам, сотворить какую-нибудь глупость? Ведь стоя в одиночестве, улыбаясь и помахивая рукой в пустоту, долго не продержаться. Мне уже начало казаться, что ребята с бегающими глазками начали ухмыляться, глядя на меня, и отпускать гнусные шуточки.

Кто знает, до чего довел бы меня моя мнительность, если бы среди шумного зала, случайно, я не заинтересовался человеком, одетым со значительными отступлениями от принятого дресскода в холщовый пиджак вольного покроя, брюки хоть и брендовые, но помятые не меньше моих. Две верхние пуговицы его темно-синей качественной ткани рубахи были расстегнуты, выдавая густую растительность. Его черные

с серебром курчавые волосы и щеточка усов Como Alphonse на редкость удачно сочетались с глазами цвета индиго. Зато манеры: чрезмерная болтливость и напускная вальяжность, а особенно серьга в ухе, не очень-то вязались с моими представлениями о высшем обществе. Чего стоила только привычка первым хохотать над своими же шутками! Чисто латинос! Тем не менее вокруг него всегда были люди, которых словно тянуло к нему, чтобы повеселиться, похлопать его по плечу. При этом от чрезмерной фамильярности их предостерегала сталь, поблескивавшая в глубине его смешливых глаз.

Я еще подумал: вот идеальный для нас кандидат. Вызывающе дорогой перстень на пальце и толстая золотая цепь на шее подсказывали основу возможных отношений.

Передышка на кожаном диване курительной комнаты позволила мне сосредоточиться. Когда объект моего внимания, смахивая щелчком невидимую крапинку перхоти с лацкана, проходил мимо, я успел прочесть надпись у него на лацкане: «Хуан Идальго, „Геральд Трибьюн“, журналист».

«Идальго! — усмехнулся я. — Имя Санчо Панса подошло бы ему куда лучше».

Не далее как вчера мне попала в этой газете гнусная заметка, предостерегающая от инвестиций в российскую экономику, что, казалось мне, давало повод потребовать объяснений.

Цокая языком, Идальго осмотрел мой костюм и, перевернув пальцами бейдж, висевший у меня на шее, вслух прочел мою должность, оценив ее важность надутыми щеками.

— Сожалею, сэр, — выслушал он мой вопрос, — но это не моя тема. Я веду колонку о повадках барсуков в лесах Амазонки. Я знаю все об этих животных и могу рассказать вам много полезного.

— Полезного в чем? — спросил я.

Хуан ловко подхватил с подноса лавирующего мимо стюарта два бокала с шампанским и один подал мне.

— Давайте вначале выпьем за знакомство.

Я пригубил бокал, но он настоял, чтобы пить до дна, после чего спросил:

— Так о чем мы говорили?

— О барсуках.

— Я могу часами говорить о них. А инвестиции, значит, вас больше не интересуют?

— Ну почему же?

— Секундочку, — нырнул он в толпу, поверх которой проплывала напомаженная голова стюарта, откуда вернулся еще с парой бокалов.

— Давайте закрепим наше знакомство, и я как искренне симпатизирующий вашей стране познакомлю вас с людьми, которые смогут вам помочь.

После того как мы опорожнили еще по бокалу, я так и не понял с чем, он увлек меня к группе еще молодых людей.

— Джо, этот джентльмен хочет разобраться с плохими парнями, которые запрещают нашему бизнесу инвестировать в Россию, — представил он меня и хлопнул по загривку, выталкивая на середину ринга.

— Удачи, амиго, — резануло мой слух. «Амиго» с оттенком уничижения — обращение к чиканос. Так, значит, он позиционировал меня в обществе.

— Есть такая проблема. И по-моему, за ней стоят консерваторы. Вы можете уточнить суть ваших претензий? — включил один из них телефон на запись. Но после шампанского, принятого после трех порций виски и еще чего-то, я этого не заметил.

— Претензий? Но я не юрист.

И действительно, как «истинному» дипломату мне было привычнее рассуждать «в общем». Тем не менее, видимо, в моих рассуждениях, наполненных патриотизмом и обидой одновременно, был здравый смысл, иначе трудно было бы объяснить повы-

шенный к ним/ко мне интерес со стороны окружившей нас прессы и представителей «деловых» кругов.

— Если вы видите в этом политическую подоплеку, то совершенно напрасно. Наша страна всегда ставит на первое место экономические интересы.

— Но почему же тогда ваши инвестиции в Китай в тысячи раз больше, чем в Россию?

— Ну, во-первых, население Китая в десять раз больше, чем ваше, и, соответственно, трудовые ресурсы; именно они, а не запасы сырья теперь играют первостепенную роль.

— Ну да, для вас народ — это корм, — кстати или нет вставил я вычитанную где-то фразу.

— Во-вторых, еще в начале восьмидесятых их правительство предоставило такие налоговые льготы иностранным инвесторам, что трудно было ими не воспользоваться.

— Я все же считаю, что самое интересное для вас в Китае — дешевая рабочая сила.

— Была, — уточнил мой собеседник. — Вы разве не в курсе, что сейчас средний уровень зарплаты в Китае выше, чем у вас?

— У меня?

— Возможно, и так. Размер вашего содержания я не знаю. Так что не это теперь определяющий фактор.

— А что же определяющий?

— Да то, что ваши олигархи и магнаты как огня боятся конкуренции со стороны развитых стран. Если нас допустят на ваш рынок, им самим с дедовскими способами производства там будет нечего делать.

Частично с ним согласившись, я все же напирал, как нас учили, на злонамеренность Штатов, их стремление к однополярному миру, к сохранению геополитического превосходства и т. д.

— Если желаете сделать официальное заявление, я к вашим услугам, — услышал я и увидел протянутый микрофон.

— Официальное?

— Самое что ни на есть. От имени Российского посольства.

Последняя фраза отрезвила меня, как ушат ледяной воды.

— Простите, но я не уполномочен... от имени...

— Не бойтесь Это будет только на пользу вашему геному.

Бормоча, что «я не уполномочен», «извините, мне пора», «no comments», — мне хватило здравого смысла, чтобы выбраться из окружения и покинуть зал, полагая, что для дебюта этого будет вполне достаточно.

Оказалось, что более чем. На следующий день я снова удостоился чести быть принятым начальником.

— Поздравляю, — швырнул он газету, — с новой звездой. Не на погонах, в реали-ти-шоу.

Узнать «звезду» было непросто. Видимо, в момент фотографирования я моргнул, а фотограф из десятка снимков специально выбрал тот, где я имел довольно глупый вид: с полужакрытыми глазами, но с разинутым ртом. И подпись: «You never give me your money». Если бы не отчетливые буквы на бейдже: «Советник второго секретаря Серж Красильников», я смог бы убедить шефа, что он меня с кем-то спутал.

— Я тебя что, туда водку жрать отправил?..

Мысленно я уже собирал манатки, чтобы ехать домой. Но прокричавшись, шеф сдудся и неожиданно сказал, подавая мне статью с моим интервью:

— Ладно, отнеси это аналитикам, пусть подкорректируют в свете последних требований и оформят как активку. Только комменты вырежь, чтобы людей не смешить, и фотографию со своей пьяной рожей. Может, зачтут в план мероприятий. Кстати, этого ты знаешь? — спросил начальник, указывая на ухмыляющуюся физиономию со второго плана.

— Это журналист из «Геральд трибьюн». Гуано, как его...

— Сергей Иванович, если вам не повезет и вы еще когда-нибудь нарветесь на это гуано, ни слова не говоря, разворачивайтесь и дуйте подальше от него. Это не совет! И даже не рекомендация!

Оказалось, в тот памятный вечер я разговаривал не с кем иным, как с Лукасом, легендарным разведчиком Василием Евсюковым. Впрочем, легендарным он был лишь в очень узких кругах, по причинам, которые я изложу чуть позже.

Лукас настолько вжился в свою легенду, что признать в хвастливом «латиносе» русского было трудно даже людям, смолоду знавшим его, а тем более жене-американке.

За внешнее сходство с Кондолизой, напористую манеру интервьюирования и изложения любого материала в точном соответствии с заданием заказчиков в ней угадывался ортодоксальный менталитет, традиционно свойственный госсекретарям Соединенных Штатов. Поэтому во избежание непредсказуемых последствий руководство согласилось повременить с ее посвящением в дела мужа. Сам же брак оказался на редкость гармоничным. И чем дальше, тем более неуместными казались подобные откровения.

* * *

— Ну, что стоишь? Немедленно к Васе! — шеф крутил головой, словно ему давил воротник рубашки. За год совместной работы я еще не видел его таким. — Действовать по плану «А»!

— То есть можно уже считать, что я — персона здесь нежелательная?

— Смотря для кого. Меня вы пока устраиваете.

— Вы обещаете похлопотать за меня в фореин офис?

— Обещать можно все. Другое дело — выполнить обещанное.

— Да знаю я ваши принципы. Вы понимаете, что я до пенсии останусь невыездным?!

— Нескромно так много думать о себе, когда под угрозой весь нелегальный аппарат.

— Но почему я?

— Вижу вы не цените оказанного доверия! Опять же, — шеф ухмыльнулся, — никто, кроме тебя, здесь с ним лично не знаком, — издевательским образом перескакивал он с «вы» на «ты».

— А его куратор?

— С ним возникли проблемы...

— Ну, есть же обезличенные способы связи!

— Помадой на заборе? Не думаю, что он ждет не дождется таких сигналов! Настраивайся лучше на серьезный разговор, от Васи всего можно ждать. Но привезти его сюда ты просто обязан. Как говорится, хоть живого, хоть мертвого.

— Но...

— Все, — остановил меня шеф. — Считаю, что это приказ!

— Есть! — вытянулся я во фронт и яростно щелкнул каблуками туфель, которые купил вчера специально для встречи с сенатором.

Одряхлевший лабрадор, дремавший под репродукцией Дали, вздрогнул от столь необычного маневра и забился под кресло.

Способность адекватно соображать вернулась ко мне позже, когда я увидел выпущенные от ужаса глаза пожилой леди во встречном «бьюике». К счастью, она успела затормозить, увидев, что я вылетел на красный. Застукай меня полицейский, не смогли бы и дипломатические номера.

За городом едва отвернул от тушки енота. Сбит он был недавно, убрать не успели, а уже вспучился от жары. Потом чуть не врезался в стайку непуганых оленей, вышедших на дорогу. Дурные знаки как предостережения. Но я не мог им следовать,

выполняя чужую волю. Чтобы отвлечься, вспомнил Москву, которая ассоциировалась у меня с талой кашей на дорогах и сопливыми пассажирами переполненного метро. Ну и что? Живут же люди...

Миновал веселенькую кладбищенскую полянку без ограды с рядами одинаковых каменных крестов, а за ними тронутые ржавчиной автофургоны — жилища бичей и эмигрантов, я въехал на улицу сонного двухэтажного городка. Здесь в полдень можно встретить только детей и домохозяек: Нью-Йорк в семидесяти милях, и основная часть населения работает там.

Дом Лукаса был однотипным, не хуже и не лучше других. С пластиковым сайдингом, встроенным гаражом и изумрудной лужайкой. Возле высаженных утром роз стояла тачка с чернотомом и лопатой.

«Да что они все, помешались, что ли, на этих розах? Лучше бы капусту выращивали».

Со второго этажа сквозь закупоренные стеклопакеты просачивались знакомые до зубной боли звуки. «Этюды Шрадика!»

Дверь подалась, и музыка полилась свободно. После моего звонка по лестнице зашлепали босые ноги, показались полосатые шорты, и наконец бодрячок хозяин, подпевавший скрипке:

— Пам-па-пам, пам-пара пам, па пара-ра..

Увидев меня, на миг застыл и прищурился, припоминая причину тревожных ассоциаций, которые вызвал вид непрошеного гостя.

— Мистер Лукас? Я из риелтерской компании «Домби и сын». Вы интересовались у нас недвижимостью на Ямайке, — вдавливал я в пол хозяина каждым словом заученной фразы.

Никогда раньше не видел, чтобы человек мог так постареть за считанные секунды. Голубые глаза посерели, а на шею его будто навесили ярмо.

— Ах, вот оно что...

— Простите?

— Сейчас, сейчас, — закатил он глаза, вспоминая нужные слова. — Оп... — и прочистил горло, — обстоятельства изменились, теперь мы планируем, кхе-кхе, приобрести бунгало на Гавайях. Или взять в аренду на пару лет, — просипел Лукас и усталым жестом пригласил меня в гостиную.

— Может, лучше на свежий воздух? — предложил я, о чем сильно пожалел, оказавшись снова на жаре.

Мы обошли дом по упругому травяному ковру с лунками для гольфа и сели под разлапистой сосной у жаровни барбекю. Царапая коготками по коре, в ветвях резвились белки. Хозяин, не разделяя их веселья, посетовал на соседскую собаку, нагадившую на газон, будто это она испортила ему настроение.

— Дочка? — кивнул я наверх.

В подтверждение зрелый мачо потрянул змейками поредевших с проседью волос.

— Все мое детство прошло под такие звуки, — попытался я разговорить его. — Сестра играла на скрипке.

Не желая предаться вместе со мной ностальгии, он перебил, переходя на шепот:

— Кто вам дал санкцию?

— Москва.

— Сбежал кто-нибудь из шишек?

— До вас дошло?

— Просто предположил. Обычное по нынешним временам явление. К тому же возрастное. Надо людей пораньше на пенсию отправлять. Только начал задумывать-ся — и адью!

— Ну, вот я, собственно, затем и приехал.

— Когда? — буднично спросил он, выскребая совком застарелые угли из жаровни.

- Вы забыли план «А»? Если коротко, то он звучит так: срочно бросать все и драпать.
- Что значит «всё»? У меня жена, ребенок, — по лицу его заструились потные ручейки.
- О них мы позаботимся. У нас есть надежные каналы для вывода.
- Надежные? — скривился он. — Не думаю, что им понравится.
- Мы их убедим.
- Я умоляю! Только не это!
- Насчет надежности: у вас есть основания сомневаться?
- Скорее, подозрения. Но обоснованные.
- Почему вы не сказали о них своему куратору?
- Хм... Кстати, у него все в порядке? — Взглянул он исподлобья.
- Я вспомнил шефа и повторил его слова:
- С ним какие-то проблемы...
- И я о том. На последней встрече он спрашивал у меня про успокоительные таблетки. И если мои предчувствия оправдались, то лучше не дергаться: не успею за калитку выйти. Особенно теперь, после вашего дружеского визита.
- У меня вместительный багажник...
- Он отмахнулся, как от глупой шутки.
- ...К тому же иммунитет, — добавил я, заставив его поморщиться.
- Да ладно! Помните, как Бурова изуродовали? Якобы хулиганы. Тяжело играть в шахматы с тем, кто не соблюдает правил.
- Стоит рискнуть, когда вариантов нет. Судя по вашему послужному списку, минимум лет двадцать вы себе обеспечили.
- Не я себе, — передразнил он, — а ваш высокопоставленный коллега мне их обеспечил.
- Наш коллега, — поправил я его и поторопил: — Боюсь, у нас нет времени для перебранки.
- Не надо суетиться. Кто пожил — не спешит. Ну, задержат меня на основании показаний очередного иуды. Для суда это не доказательства. Помурьжат и выпустят.
- Вы себе противоречите. А какие улики были против Бута? Рогачева? Одни провокации и подлог. У нас при Ягоде такого не допускали. А эти ребята не найдут, так спят любые доказательства. «Ты виноват лишь в том, что хочется мне кушать».
- Знаете, у меня хорошее здоровье...
- Рад за вас.
- ...И при нынешних условиях содержания вполне выдержу двадцать лет.
- Столь неожиданный оборот озадачил меня. Теперь уже я пристально посмотрел ему в глаза, не издевается ли. И в очередной раз процитировал шефа:
- У вас отменное чувство юмора.
- Нет, серьезно. Моя дочь занимается у маэстро Лючини, он пророчит ей большое будущее.
- Уверен, что в Московской консерватории оценят ее талант.
- А жена! Ее имя вам ни о чем не говорит?
- На материале вашей одиссеи горизонты ее славы расширятся несоизмеримо.
- Упаси, Гос-споди, — перекрестился он. — Мне необходимо с ней объясниться. Когда начнется шумиха, поздно будет. Вы только представьте, если она узнает обо всем не от меня! Моя двойная жизнь — удар ей в спину. Хуже любой измены.
- «Так вот что его мучает! — дошло наконец до меня. — Ему хотелось выговориться хоть раз в жизни, но он уже пожалел, что разоткровенничался».
- Не сомневаюсь, что мы сможем представить ей объективную картину. Если она здравомыслящий человек, то поймет. Надеюсь, ваши чувства взаимны?

— Меня не надо вербовать! — довольно резко оборвал он меня, будто я вторгся в запретную зону его личной жизни.

— Господь с вами! — обиделся я. — Насколько мне известно, это случилось еще тридцать лет назад. За эти годы вами накоплено достаточно, о чем побеседовать с ФБР в их застенках.

— Сомневаюсь, что они услышат от меня что-то новое.

— Ваша уверенность в себе достойна уважения, но в их пыточной и бревно заговорит.

— Я не о том. Все, что им надо, они получают от вашего правительства. Все наши игрища — чистая профанация. Способ отмыwania проданных секретов.

— Крайняя точка зрения. Как минимум, наши игры решают еще проблему занятости, особенно в депрессивный период. Куда нас всех девать при сокращении? Проблема.

— Вот именно! Оставшись здесь, я хоть немного облегчу бремя для родной страны. Я сам умею зарабатывать.

— Людей охмуряя?

— Не только. Вы забыли, что я журналист...

— Ой да ладно! Нашли профессию.

— ...И готов даже отказаться от вашей пенсии.

— Благородный поступок. Но не горячитесь. «Ваше правительство! Ваша пенсия!» Вы тоже на другой стороне?

— У меня не та группа крови.

— Не сомневаюсь. С того времени, как вы уехали, у нас многое изменилось. В том числе и к лучшему. Вы смотрите российское телевидение?

— Опять за свое? Только время теряете. Я же сказал, мне необходимо поговорить с женой. Она приедет завтра.

Под его тяжелым взглядом я понял, что не в силах переломить его волю и заставить изменить принятое решение. Мы обсудили некоторые детали и попрощались.

— Ну что ж, удачи тебе, амиго, — пожелал я и почувствовал вялое сухое рукопожатие.

— Что стоишь? Или приказано убраться?

— Ребенок испугается, — ответил я, направляясь к машине.

Возвратившись в резиденцию, сразу же отправился на доклад к шефу, уже не чаявшему меня увидеть.

— Фартовый! А Лукаса только что взяли. Хорошо, что ты один уехал. Успел! Сладкая получилась бы парочка!

У меня было чувство, что я его разочаровал.

— Пока суть да дело — не выезжай за территорию посольства.

— Хотел в супермаркет, удочку купить. Вы разбираетесь?

— Смотря где рыбачить.

— Где-нибудь на Клязьме.

На допросах Лукас молчал. Даже когда ему сломали ребра и отбили селезенку. Кто знает, чем бы все закончилось, если бы однажды перед ним не выложили два толстых, подшитых шнурками, засаленных пухлых тома с инвентарным номером и псевдонимом, выведенными фиолетовыми чернилами.

Лукас просмотрел несколько страниц и хотел присвистнуть, но из разбитых опухших губ раздалось только шипение. Из святая святых в столице выкрали личное дело, в котором чуть ли не с рождения был скрупулезно отмечен каждый его шаг. Такого он не ожидал. Он хотел полистать тома, но ему не дали.

— Чего боитесь? Мне столько не сжевать.

— Тогда отвечай на вопросы.

— А смысл? Тут больше, чем я сам о себе знаю.